

що рік триває наша дружба – не пропускали жодного дня, щоб не залишити кому-небудь де-небудь пам'ятки про себе. “Nulla dies sine linea” – “Ні дня без рядка” – такий був наш девіз, і ми дотримуємося його донині і будемо дотримуватися, поки це можливо”.

У творах Лесі Українки ми теж знаходимо латинські вислови: “Погано, що така маленька країна, як Галіція, нараховує вже чотири партії, але й тут є втіха: значить люди живуть і міркують, а не сплять, так як у нас здавна виходить”. Трапляється, що дослівного перекладу буває недостатньо для перекладу латинських слів і виразів. Тоді письменник дає детальне пояснення історико-філологічного характеру.

Таким чином, теорія варіантів мови, запозичень та домішок розвивається дуже швидко, вбираючи в поле зору своїх інтересів нові мови та їх різновидності. При цьому все більше закріплюється розуміння національного варіанту мови як такої форми існування різновиду даної мовної системи, для якої характерні помітні для тих, хто розмовляє, властивості функції вживання мовних носіїв, які виявляються в повсякденно-розмовній, діалектичній та літературній мові та знаходять відображення в місцевих нормах писемної літературної мови. В соціолінгвістичному плані національний варіант мови характеризується усвідомленим засобом спілкування, який виконує свою суспільну функцію.

Література

1. Лапіна М.С. Латинізми у сучасних мовах. – К.: Вища школа, 1995. – С. 28–32.
2. Левицький Ю.М. Мови світу. Енциклопедичний словник. – Львів, 1998. – С. 87–88, 108–111.
3. Леся Українка. Повне зібрання творів. Лист М.П. Косачу, 1968. – Т. 4. – С. 224–241.
4. Фердінанд де Сосюр. Курс загальної лінгвістики. – К: Основа, 1998. – Т. 1. – С. 28–31.
5. Франко І.Я. Твори в 16-ти томах. Т. 6 “Останній крейцер”. – М., 1968. – С. 49.

УДК 821.161'82-311.1

ВОДОЛАЗКИН Е.Г.
(Санкт-Петербург)

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ ПРАВОСЛАВНОГО СЛАВЯНСТВА

У статті досліджуються слов'янські історіографічні тексти за жанровою приналежністю: хроніки, хронографи та літописи. Оскільки історичні твори Стародавньої Русі є частиною європейської літератури, то це дає змогу співставляти східну і західну її традиції. У зв'язку з тим, що досі приділялася недостатня увага вивченню саме загальнослов'янського контексту східно-слов'янської історіографії, виявлення жанрових особливостей таких текстів в кожній з культур православною слов'янства наразі є надзвичайно цікавим завданням для майбутніх досліджень.

Исторические сочинения Древней Руси являются неотъемлемой частью общеевропейской историографической традиции. Это позволяет проводить сопоставления восточной и западной ее ветвей. Вместе с тем, историографические тексты Древней Руси принадлежат и к более узкому культурному ареалу, определенному в свое время Р. Пиккио как Slavia Orthodoxa. Как раз этому – общеславянскому – контексту нашей историографии недостаточно уделяют внимания даже исследователи компаративного направления. Настоящее сообщение не претендует на сколько-нибудь подробное сопоставление русской историографии с обще- (в данном случае – южно-) славянской. Его задача скромнее: рассмотреть восточно- и южнославянские тексты в общих жанровых терминах, из которых в первую очередь я имею виду хронику, хронограф и летопись (объяснение).

Начнем с *переводных хроник* – византийских компиляций, повествующих о всемирной истории. Излагавшаяся хрониками история в основном соответствовала определению “священной истории”, однако не ограничивалась лишь ею. Переводы хроник уже в самое раннее время знакомили новокрещенные народы как с важнейшими историческими событиями, так и с определяющими для христианской историографии идеями провиденциальности и универсализма. Более того, в отсутствие собранных под одной обложкой переводов книг Священного Писания всемирноисторические хроники предлагали его основную историческую канву, обеспечивая тем самым полноту и цельность в восприятии истории.

Одними из первых переведенных на церковнославянский язык историографических компиляций были *Хроника* Иоанна Малалы и *Хроника* Георгия Амартола. *Хроника* Иоанна Малалы, созданная в VI в. и описывающая события от сотворения Адама до царствования Юстиниана, была

переведена предположительно в X в. в Болгарии. На фоне других переведенных хроник сочинение Иоанна Малалы выделяется подчеркнутым вниманием автора к античной мифологии. В славянском средневековье, в определенном смысле более ригористичном, чем средневековье византийское, *Хроника* Малалы служила одним из немногочисленных источников сведений об античности.

В большей степени потребностям молодых христианских культур соответствовал, по всей видимости, древнерусский перевод *Хроники* Георгия Амартола: об этом свидетельствует большое количество как отдельных списков хроники (сейчас их известно 19), так и заимствований из нее, включенных в позднейшие компиляции. В отличие от Иоанна Малалы, Георгий Амартол (IX в.) оказался более строг в выборе материала для своей хроники. Античная мифология у него представлена гораздо скромнее, значительное место в его труде занимают богословские рассуждения. *Хроника* Амартола оказалась одним из главных “долгожителей” славянского средневековья. Будучи включенной в состав древнерусских *хронографов*, *Хроника* Георгия Амартола служила не просто основным их источником: она организовывала их структуру.

Как полагают, в самое раннее время (конец IX – начало X вв.) в Болгарии был переведен *Српнографико н су, нтомон* Константинопольского патриарха Никифора (создан в IX в.), известный в славянской традиции как *Летописец вскоре*. Сочинение патриарха Никифора принадлежало к так называемым “малым” хроникам, кратко перечислявшим важнейшие исторические вехи с хронологическим комментарием. Считается, что такого рода хроники широко использовались в византийских школах. *Летописец вскоре* оказал большое влияние как на болгарскую, так и на русскую средневековую письменность. О популярности *Летописца* свидетельствует и то, что, как мне удалось установить, в славянском средневековье существовали переводы двух его греческих редакций.

Предположительно в XI в. был осуществлен древнерусский перевод *Хроники* Георгия Синкелла, секретаря Константинопольского патриарха Тарасия, созданной им в IX в. и доведенной до царствования Диоклетиана. В сравнении с уже упомянутыми хрониками, влияние *Хроники* Георгия Синкелла на древнеславянскую письменность было незначительно.

В конце XII в. в Болгарии был сделан перевод византийской *Хроники* Иоанна Зонары, созданной в начале того же века. Начинаясь, подобно другим хроникам, от сотворения мира, *Хроника* Зонары доводит повествование до восшествия на престол Иоанна II Комнина. Перевод хроники был известен в полном своем виде и в сокращении. Сокращенный текст восходит к сербскому оригиналу и известен под именем *Паралипомена* (списки полного вида являются также сербскими). В XVI в. текст *Паралипомена* был использован при составлении *Русского хронографа*. Сейчас текст *Паралипомена* готовится к изданию О.В. Твороговым.

К XIII в. относится среднеболгарский перевод так называемой *Исторической Палеи* (*Книга бытия небеси и земли*). Этот памятник, посвященный ветхозаветной истории до царя Давида, был использован в поздней русской хронографии (*Русском хронографе редакции 1617 г., Соловецком хронографе* (XVII в.)), в трактате средневекового русского писателя Ермолая-Еразма *О Троице* и других произведениях.

В XIV в. опять-таки в Болгарии была переведена *Хроника* Константина Манассии (XII в.), повествующая от сотворения мира до царствования Никифора Вотаниота. В отличие от ряда других историографических сочинений, переведенных в Болгарии, но не известных в болгарских списках, среднеболгарские списки *Хроники* Манассии сохранились. Начиная с XVI в. хроника играет важную роль в древнерусском историческом повествовании, успешно конкурируя с *Хроникой* Георгия Амартола, текст которой все менее устраивал составителей хронографических сочинений. Эмоциональный стиль *Хроники* Константина Манассии (в греческом оригинале стихотворной) был оценен древнерусскими книжниками и во многом определил стиль поздней оригинальной историографии Древней Руси – как хронографии, так и летописания.

В том же веке в Болгарии был сделан перевод *Хроники* Симеона Логофета (X в.). Собственно говоря, славянскому миру эта хроника была знакома и до XIV в. Греческий оригинал уже упоминавшегося перевода *Хроники* Георгия Амартола включал в себя и фрагмент *Хроники* Симеона Логофета (как продолжение текста Амартола, оканчивавшегося царствованием Михаила III). Таким образом, текст сочинения Логофета от царствования Михаила III до царствования Романа Лакапина уже в XI в. был известен в переводе как составная часть *Хроники* Георгия Амартола.

После краткого очерка переводной литературы перейдем к **оригинальным историографическим** сочинениям славян. Подобно западноевропейскому историческому повествованию, оригинальная историография славян имела два полюса, которые можно определить как всемирноисторический и национальный. Соотношением того и другого в произведении, как правило, определяется принадлежность текста к тому или иному жанру средневековой историографии. Поскольку границы

эти довольно зыбки, то и отнесение текста к тому или иному жанру зачастую довольно условно. Это приводит к тому, что одно и то же произведение нередко может рассматриваться и как всемирная хроника (*Weltchronik*) с добавлением местных сведений, и как начинающееся всемирноисторическим введением повествование анналистического типа, посвященное национальной истории. Вероятно, как раз текучесть средневековых жанров и определила невозможность дать сколько-нибудь удовлетворительную универсальную классификацию жанров исторического повествования.

Если в области переводов в славянском мире неоспорима ведущая роль Болгарии, то по части оригинальной историографии несомненным представляется первенство Древней Руси. И по обилию исторических произведений, и по разнообразию их жанров Русь представляла собой явление исключительное. В оригинальном историческом повествовании русская медиевистика выделяет **хронографы** и **летописи**. Повествующие о всемирной истории компиляции, составленные в славянской среде на материале переводных источников (а порой и с привлечением славянских), принято называть *хронографами*. Славянские сочинения, посвященные славянской же истории, называются *летописями* (анналами).

Если западные всемирноисторические своды сохранили характерную для Византии пропорцию между историей древней и современной, то славянские хронографы долгое время свою национальную историю не включали, ограничиваясь, в лучшем случае, краткими сообщениями (например, о крещении Владимира). На фоне сходных с западными принципов организации материала отсутствие национальной истории в ранней славянской (в первую очередь – русской) хронографии и является ее особенной чертой.

Одним из самых ранних славянских текстов, подходящих под определение **хронографа**, является болгарская *Историкия за Бога вкратце* (конец IX в.), приписываемая Константину Преславскому. Компиляция, прообразом и источником которой был *Летописец вскоре* патриарха Никифора (с добавлениями из *Пасхальной хроники*), сводится по преимуществу к перечислению имен в хронологическом порядке от сотворения мира и до IX в. включительно. Через несколько десятилетий после *Историкии* (между 914 и 919 гг.) создается так называемый *Летописец вкратце*, в основе которого также лежит сочинение патриарха Никифора. Как по структуре, так и по компактности (всего несколько страниц в издании) этот памятник напоминает предыдущий – с той лишь разницей, что охватывает период от царствования Августа до царствования Зои и Константина VII.

Первым русским хронографом был гипотетический *Хронограф по Великому Изложению* (XI в.), восстанавливаемый путем сопоставления позднейших хронографических текстов. Понятие такого пра-хронографа, в основе которого лежала *Хроника* Георгия Амартола, было введено в научный оборот В.М. Истриным. Наименование его восходит к тексту *Полной Хронографической Палеи*, назвавшей *Хронограф по Великому Изложению* в числе своих источников (считается, что под “великим изложением” подразумевалась *Хроника* Георгия Амартола). По мнению В.М. Истрина, *Хронограф по Великому Изложению* стал важнейшим источником целого ряда позднейших хронографических сводов, а также первой русской летописи. Вывод В.М. Истрина относительно существования *Хронографа по Великому Изложению* был развит в трудах О.В. Творогова. В настоящее время принято считать, что *Хронограф по Великому Изложению* был представлен в трех редакциях. Первая (архетипная) отразилась в первой русской летописи – *Повести временных лет*, вторая – в *Троицком хронографе* и третья – в *Летописце Еллинском и Римском Второй редакции*, а также в *Краткой* и *Полной* хронографических палеях. Краткая Палея мной в настоящее время издается.

Хронограф по Великому Изложению был текстом с удивительно четкой структурой и ясными принципами отношения к источникам. Позднейшие, восходившие к нему, хронографы нарушали его пропорции, добавляя обширные фрагменты житий, сказаний, поучений и т.д. Принцип полноты сведений был зачастую более важен, чем стремление выдерживать пропорции в повествовании. Памятники круга *Хронографа по Великому Изложению* – тексты, объем которых в издании исчисляется сотнями страниц, – имели сходную структуру и состояли во многом из одних и тех же источников, прежде всего – *Хроники* Георгия Амартола. Различие их состояло преимущественно в объеме заимствований и манере соединения источников между собой, событийного ряда. Они создавались с XI по XV вв.

Наряду с этой группой хронографических компиляций отмечу и так называемый *Иудейский хронограф* (XIII в.), который воссоздается посредством восходящих к нему *Архивского* и *Виленского* хронографов. В этой компиляции, возможно, нет той стройности, какую можно найти в текстах круга *Хронографа по Великому Изложению*, но ценность его высока прежде всего потому, что в его составе сохранились большие фрагменты других сочинений по истории. Так, именно из *Архивского хронографа* В.М. Истриным была извлечена для издания значительная часть *Хроники* Иоанна Малалы.

Все перечисленные хронографические компиляции составляют *раннюю* русскую хронографию. Этим термином обозначаются хронографы XI–XV веков, иначе говоря – памятники, появившиеся до создания *Русского хронографа* (начало XVI в.), редакции которого составляют *позднюю* хронографию. Различие между двумя указанными типами не просто хронологическое, оно имеет стадильный характер. Поздняя хронография претерпевает качественные изменения, из которых главными, пожалуй, являются два. Во-первых, хронографы XVI–XVII вв. начинают включать сведения по русской истории. В ранних хронографах таких сведений почти нет. Во-вторых, поздняя хронография по-иному относится к используемым ею источникам. В противоположность ранним хронографам, заимствовавшим текст источников почти без изменений, хронографы поздние свои источники пересказывают.

Впервые в истории русской хронографии в *Русский хронограф* активно вводятся сведения по истории славянских народов. Одним из источников этих сведений была агиография. При создании *Русского хронографа* были использованы жития святых Саввы, Стефана Дечанского, Стефана Лазаревича, Илариона Меглинского, предоставлявшие богатый материал по истории Сербии и Болгарии. Из русских летописей были заимствованы сведения по русской истории. Если вспомнить, что оканчивался *Русский хронограф* падением Константинополя, “второго Рима”, обилие в нем сведений о славянстве не кажется случайным. Средствами историографии, наряду с другими жанрами, утверждалась идея третьего – русского – Рима. В свою очередь, *Русский хронограф* послужил источником для южнославянских исторических сочинений.

Историография хронографического типа (хроники и составленные на их основе хронографы) не существовала в отрыве от историографии национальной. На разных этапах развития исторического повествования славян связи различных типов историографии меняли свой характер и направленность, но они никогда не прерывались. Вне всякого сомнения, летописание дорожило связью со всемирной историей, но *связью типологической, не генетической*. Связь отдельных событий еще не обеспечивала единства со всемирной историей *как целым*, не устанавливала с ней отношений преемственности. Суть пятивековых взаимоотношений рассматриваемых типов историографии в свое время я выразил в формуле “от тождества – к единству”. Национальному историческому сознанию требовалось время для осмысления этой связи, для помещения обеих историй в общую плоскость, в один пространственно-временной ряд.

Ничего подобного русскому летописанию по размаху в землях православного славянства мы не находим. Вместе с тем, следует помнить, что эти жанры представлены не только Древней Русью. Упомяну наиболее ранние южнославянские сочинения на тему национальной истории, предшествующие или современные началу русского летописания. Первым произведением, касавшимся истории славян, был *Именник болгарских ханов*, известный в рукописях XVI в., но восходящий предположительно к VII–VIII вв. (некоторыми исследователями, впрочем, время создания памятника отодвигается до X в.). *Именник* содержит краткое родословие праболгарских ханов, частично – легендарных, из которых первый – Авитохол – порой отождествляется с Атилой. Считается, что одной из основных задач создания текста было утверждение болгарской державы, демонстрация (прежде всего – византийцам) ее уходящих в глубь времен традиций. В этой связи существует предположение, что первоначально *Именник* был составлен по-гречески и лишь впоследствии переведен на славянский. К XI в. относится создание так называемой *Болгарской апокрифической летописи*, сочинения весьма своеобразного. Апокрифическое пророчество Исаяи в первой его части сменяется не менее легендарными сведениями из болгарской истории. Принято считать, что текст отражает сильное богомильское влияние. Особняком стоит сербская *Летопись попа Дуклянина* (XII в.). Она, как полагают, первоначально была создана на латыни католическим автором, что делает несколько условным соотнесение этого текста с сербской историографической традицией. *Летопись попа Дуклянина* начинается примерно V веком и повествует об истории южных славян, которые, как следует из текста, являются потомками готов. *Летопись попа Дуклянина* упоминает крещение южнославянских земель Константином Философом, основание Дубровника и другие события.

В конце XIV – начале XV вв. возникают первые сербские компиляции летописного типа, различные редакции которых создавались до конца XVII в. Одним из важнейших источников таких компиляций была агиография. Подобно русским летописям, сербские имели всемирноисторическое введение, хотя в ряде редакций такое введение опускалось. В начале XV в. создается так называемая *Анонимная болгарская хроника*, автором которой было, как полагают, духовное лицо. Хроника описывает нападения турецких султанов на византийские и балканские территории и охватывает период с 1296 по 1417 гг. Следует упомянуть также о сербских *родословах*. Эти историографические сочинения с ярко выраженным генеалогическим акцентом интересны, среди прочего, тем, что они устанавливают “династическую связь” между сербскими правителями и Константином Великим.

Так выглядит самая общая картина распределения славянских историографических текстов по жанрам. В заключение замечу, что выявление жанровых особенностей этих текстов в каждой из культур православного славянства кажется мне областью столь же интересной, сколь и малоизученной.

Литература

1. Истрин В.М. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. – Петроград, 1922. – Т. 2.
2. Weingart M. Byzantské kroniky v literatuře církevně-slovanské. – Bratislava, 1922–1923. Č. I–II.
3. Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. – Ленинград, 1940 (переиздание: С.-Петербург, 1996).
4. Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. – Москва–Ленинград, 1947.
5. Dujčev I. Übersicht über die bulgarische Geschichtsschreibung // Antike und Mittelalter in Bulgarien (Berliner byzantinischen Arbeiten. Bd. 21). Hrsg. von V. Beševliev und J. Irmscher. – Berlin, 1960. – S. 51–69.
6. Насонов А.Н. История русского летописания X – начала XVIII в. – Москва, 1964.
7. Hafner S. Studien zur altserbischen dynastischen Historiographie (Südosteuropäische Arbeiten. Bd. 62). – München, 1964.
8. Еремин И.П. Литература Древней Руси: (Этюды и характеристики). – Москва, Ленинград, 1966. – С. 42–97.
9. Тодоров Г.Д. Зараждане и начално развитие на българската историография (681–1018 г.) // Исторически преглед. Година XXIII. Книжка 2, 1967. – С. 82–97.
10. Творогов О.В. Древнерусские хронографы. – Ленинград, 1975.
11. Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв. – Ленинград, 1976.
12. Podskalsky G. Theologische Literatur des Mittelalters in Bulgarien und Serbien 865–1459. – München, 2000. – S. 471–494.
13. Водолазкин Е.Г. Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палейного повествования XI–XV вв.). – Мюнхен, 2000 (изд. 2-е, перераб. и доп. – СПб., 2008).

УДК 811.161.2'373.21

ВОЛОШИНА Н.В.
(Запоріжжя)

ДО ПИТАННЯ ГЕНЕЗИ НОВАТОРСЬКОГО СТИЛЮ ЕРНЕСТА ХЕМІНГУЕЯ

У статті досліджуються особливості стилю Хемінгуея. Доводиться, що, продовжуючи і підтримуючи традицію Стендаля, він ушляхетнив традиційну та популярну форму пригодницького й довгого оповідань, зробивши це на засадах модернізму.

У вітчизняному та зарубіжному літературознавстві дослідники неодноразово торкалися питання експериментальності індивідуального стилю Ернеста Хемінгуея, цікавилися витокami його неповторності (Дефалько, Штайдер) [2; 3]. Всім загальновідомий принцип “айсбергу” творчого методу американського письменника. Але хотілося б ще раз наголосити на деяких особливостях його письменницької манери у зв’язку з життєвими обставинами, що напевно вплинули на неї.

Письменницька доля Ернеста Хемінгуея склалася надзвичайно вдало – навіть з погляду ХХ ст., в якому засоби масової інформації, мистецтво реклами, інтерес до сенсації сприяють прискореному формуванню “кар’єр”, роздмухуванню популярностей, обожнюванню кумирів [2]. Уже першими своїми публікаціями Хемінгуей заявив про себе як оригінальний митець. Збірка оповідань “За нашої доби”, опублікована 1925 року, є своєрідним циклом новел, об’єднаних одним героєм – Ніком Адамсом, який увібрав у себе багато рис самого автора. Цю публікацію можна назвати прологом до зрілої творчості Хемінгуея.

Мета статті: розкрити особливості індивідуального стилю письменника, дослідити його генезу.

Хемінгуей хотів навчитися писати про все, що бачив, про що довідався, тому працював у газеті. Ця праця була доброю школою для початківця. Він знайшов собі строгого вчителя, редактора Піта Веллінгтона, який висував чіткі вимоги до репортерів. Вони були сформульовані у “Ста заповідях газетяра”. Наведемо деякі з них. Щоб зрозуміти, що вони багато в чому збігаються з принципами роботи Хемінгуея, з його розумінням творчості. “Пиши короткими реченнями... Перший абзац має бути коротким. Мова – сильною. Стверджуй, а не заперечуй. Уникай прикметників, особ-